

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ КОНТАКТОВ
СЛАВЯНСКИХ И ЕВРЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ**

В. И. Матвеев

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы на мировом погосте,
Звучат лишь письмена.

(И. А. Бунин, Слово)

История языка – история народа. Причины различного поведения представителей различных вероисповеданий находятся и во внутреннем своеобразии того или иного вероисповедания, а не лишь в его политическом положении. Этим, в частности, во многом определялось и языковое поведение иудеев в условиях пребывания в диаспоре на протяжении двух тысячелетий. Как известно, в течение более двух тысячелетий евреи жили совместно с другими народами, не имея своего государства, общего языка общения, в связи с чем еврейские культуры и языки впитывали в себя естественным образом элементы культуры и заимствования из языков других народов. Этому способствовала и степень рационализации экономической деятельности, допускаемая религиозной этикой иудаизма в диаспоре, приведшая к концентрации усилий евреев в сфере предпринимательства, формирования особой культурно-экологической ниши, а не только в их чисто внешнем историко-политическом положении [см. Вебер, 1990].

В связи с этим особый интерес представляет состояние еврейских языков и языковое поведение евреев, на протяжении веков проживающих на территории славянского культурно-исторического ареала, а также языковое поведение эмигрантов из стран Восточной Европы, разрушенного СССР в современном Израиле.

На территории славянского культурно-исторического ареала евреи свободно владеют и используют с своей жизни соответствующий славянский язык, а некоторые изучали и использовали в своей среде идиш, доступный сегодня всем, желающим изучать его [Матвеев, 1991, с. 217].

Как известно, основой возникшего в средние века на Рейне идиш является один из диалектов германской группы, который испытал на себе весьма сильное воздействие арамейского языка и славянских элементов. Этот язык, сформировавшийся в основном к

ХІХ в., выработал к ХІХ в. литературную норму на основе соединения черт северного и южного ведущих диалектов.

Начиная со второй половины ХVІІІ в. идиш, переживающий сложный период своего существования, начинает вытесняться в Западной Европе литературными языками коренного населения. Вместе с тем он продолжал функционировать и развиваться в Белоруссии, на Украине, в Литве, Молдавии, Галиции, Польше, Румынии (проявляя при этом в каждом регионе диалектные особенности), где в ту пору существовали относительно компактные поселения евреев [см., напр., Фалькович, 1966, с. 599-629]. В связи с исторически сложившейся ситуацией, тесными контактами со славянами, идиш с конца ХVІІІ в. пополняется значительным количеством элементов народных говоров, получив новый стимул для своего гармоничного развития; славянскими элементами, а также словами и словосочетаниями интернационального характера. Исследованию идиша, его истории посвящены труды Ал. Ландау, Л. Шейяну, Я. Герцона, Б. Борохова, М. Вейнрайха, Н. Прилудцкого, Э. Рейзена, А. Гаркави, Ю. Йоффе, Ю. Марк, Йошуа Фишмана; Н. Штифа, М. Вейнгера, А. Зарецкого, Л. Виленкина, Э. Спивака, В. Жирмунского, Э. Фальковича и др.

По данным исследований большинство слов в идише – германского происхождения. Затем следуют арамеизмы, гебраизмы, славянизмы, а также латинские, греческие, английские, французские, итальянские слова, и значительное количество лексических единиц, созданных в самом идише.

У. Вайнрайх и ряд других исследователей отмечают, что влияние славянских языков столь велико, что оно в определенной мере изменило язык, придав ему „новое качество“. Влияние славянских языков на лексический уровень идиша заключается не только в прямых заимствованиях, а и в очень тонком воздействии на его механизм [см., напр., Weinreich, 1958; 1985].

При этом целый ряд слов, пришедших в славянские языки из идиша, были снова заимствованы идишем, однако, уже с другим значением. Например: *maliva*, *fababerje* и др., зачастую с изменением ударения [см. Jakobson, 1953; Weinreich, 1958].

Евреи подверглись глубокому славянскому влиянию, которое включило их в „языковый союз“ (*Sprachbund*) со славянами (см. использование этого термина Трубецким и Бехером), позволив создать им новый тип языковой культуры. Из славянских языков, прежде всего, русского, заимствовано не только значительное число слов и словосочетаний, а и элементов всех уровней идиша [см. Матвеев, 1991, с. 218].

Способствовало этому и то, что евреи не были связаны, в отличие от других народов, нормами предыдущего периода, создав новый тип культуры, ашкеназскую культуру. В связи с этим, уместно

вспомнить высказанную У. Вейнрайхом мысль о том, что славянское влияние явилось весьма важным фактором в прогрессивном отделении идиша от немецкого языка [Weinreich, 1958, с. 3]. Идиш в последнее время весьма широко изучается на Украине, в республиках бывшего СССР, на нем издаются газеты и журналы. Он до последних лет остается одним из наиболее широко распространенных еврейских языков. Кроме бывшего СССР, стран Восточной Европы, идиш также распространен в еврейских общинах США, Германии, Голландии, Канады, Франции [Матвеев, 1991, с. 218]. На идише говорит большинство евреев с произношением ашкенази. Он представляет собой в настоящее время язык восточно-европейских евреев, а также еврейских эмигрантов Европы и Северной Америки. По данным исследований Йошуа Фишмана, в США около 1,5 млн. человек используют идиш, в Израиле – 0,5 млн., и около 0,5 млн. – в СССР (теперь бывшем) [см., напр., Fishman, 1985].

Следует отметить, что в разное время, на разных уровнях и в разных пропорциях взаимодействие славянских и еврейских языков было различным. Так, если древнееврейский язык путем переводов дал восточнославянским языкам весьма значительное число прежде всего библейских идиом, то уже воздействию со стороны прежде всего русского языка, начиная со второй половины XIX в., подвергся создаваемый современный иврит, являющийся государственным языком современного Израиля¹ [Матвеев, 1990, с. 80].

В настоящее время непосредственные контакты иммигрантов-носителей славянских языков с израильтянами также оказывают влияние не только на языковую ситуацию, а прежде всего – на разговорный язык и слэнг: *haltura* „халтура“, *balagan* „балаган, беспорядок“ и др. Примерно 1/3 подобной лексики заимствовано из идиша [см., напр., Fishman, 1985; Старкова, 1965]. Идиш, французский, английский, польский, русский и некоторые другие языки оказали немаловажное влияние на иврит.

Словарный состав иврита тесным образом связан с историей его искусственного пополнения и становления как языка, весьма существенно отличающегося от древнееврейского. Древнееврейский язык относится к семито-хамитской группе северной ветви семитских языков, в частности, к ханаанским языкам и был распространен на территории Палестины приблизительно до II в. до н.э. Сохранился в книгах Ветхого Завета (XII–III в.в. до н.э.), а также в надписях на глиняных черепках в Палестине VIII в. до н.э. – II в. н.э.

¹ Еврейские языки в окружении того или иного культурно-исторического времени всегда естественным образом влияли многие из языков коренного населения. О проблемах русско-ивритского перевода (в широком понимании) и влияния русского языка на иврит говорилось в сообщении И. Гури (Израиль) на VII конгрессе МАПРЯЛ, но и при этом целый ряд социолингвистических аспектов остается не освоенным и нуждается в дальнейшем исследовании.

Употреблялся и в разговорной форме до II тыс. до н.э., оставаясь языком религиозной практики и духовной литературы, в результате чего он не может в достаточной мере отражать современную действительность [см., напр., Матвеев, 1990, с. 79-80].

Под термином иврит мы понимаем искусственно создаваемый с конца XIX века на базе древнееврейского языка мишнантского периода и еврейских диалектных языков язык со многими заимствованиями из современных, прежде всего литературноразвитых международных языков – практически на всех уровнях, в результате чего иврит и в настоящее время невозможно определенно отнести ни к одному языковому типу. По сравнению с древнееврейским языком, в котором немало слов, заимствованных из близкородственных (старошумерского, хурритского, аккадского, старо- и позднеавилонского) языков, а позднее – из греческого, арабского и др., современный иврит содержит весьма значительное число слов, привнесенных из неблизкородственных языков – английского, французского, немецкого и др. (прежде всего – интернационализм): *universita* „университет“, *telefon* „телефон“, *student* „студент“, *tilgref* „телеграфировать“ и др.

Лексических заимствований из славянских языков в литературном иврите сравнительно немного: *kvaz* „квас“, *boršč* „борщ“, *kozak* „казак“, *kozachok* „козачок“, *bandura* „бандура“ и др. Вместе с тем, как отмечают исследователи [Айхенвальд, Корниенко, 1985; Старкова, 1965 и др.], весьма значительно влияние русского языка на синтаксис и (в определенной мере) морфологию иврита [Матвеев, 1991, с. 218]. А.Ю. Айхенвальд отмечает, что, в отличие от древнееврейского языка, в современном иврите наблюдается сближение структуры относительных предложений со структурой предложений известных индоевропейских языков [Айхенвальд, 1990].

С одной стороны, привнесенные заимствования делают иврит более доступным изучающим его слоям различных эмигрантов Израиля, хотя многие заимствования выделяются на фоне семитской лексики (ср.: Weiman, 1950), а, с другой, – ортодоксов-раввинов беспокоит то, что этот язык прежде всего, в области лексики и фразеологии весьма отдален от языка Талмуда. А ведь изменения в лексико-семантической системе языка иллюстрируют развитие не только самого языка, а и процессы, протекающие в разных сферах жизни общества, использующего этот язык. В связи с этим возникают конфликты и в еврейской среде между консерваторами, ортодоксами и бизнесменами, более прогрессивно настроенной частью еврейского населения Израиля. Клерикально консервативное направление требовало развития нового языка на основе широкого привлечения и использования элементов древнесарамейского, древнееврейского языков, проявляя лингвистический пуризм. В частности, по этому поводу Б. Клэйф пишет, что „ультраортодоксальные религи-

озные группы в Иерусалиме используют *Loshen Kodesh* (талмудический еврейский язык), который они произносят в манере ашкенази, для религиозно ориентированных депреталий и других аспектов религиозной жизни; идиш для светских целей, считаемый иврит (этот термин для современного еврейского в Израиле, который произносится в сефардской манере, который заимствовал из других языков и который на наших глазах извращен и изуродован, лишился формы, потому что он также используется для светских дел) — дефилиацией святого и угрожающим инструментом ассимиляции” [Kheif, 1979, p. 159-172].

Словарный состав иврита тесным образом связан с историей его искусственного пополнения и становления. Вместе с тем, как отмечает и А.Ю. Айхенвальд, большая часть словарного состава унаследована ивритом из арамейского языка, древнееврейского (как библейского, так и постбиблейского периодов) [см. подробнее: Айхенвальд, 1990, с. 100-104]. Вместе с тем, в литературном языке качественные изменения не происходят бесследно для культуры.

Учитывая влияние славянских языков, в частности, русского языка на идиш и заимствования ивритом, а также большое количество еврейских русскоязычных эмигрантов (или репатриантов) из СССР в Израиль, значительно возросшее за последние годы, возможно говорить не только об ощутимом влиянии русского языка на языковую ситуацию и языковые состояния в современном, все еще разноязычном Израиле, а и об определенном влиянии восточнославянской культуры на формирующуюся культуру современного Израиля.

Исторически сложилось так, что многие основатели современного Израиля являлись носителями именно русской культуры: первый президент Х. Вейцман, премьер-министр Л. Эшкол, М. Шарет. Один из основателей сионизма Жаботинский был русским переводчиком и поэтом, известным в начале XX века. Израиль — страна, где русская культура, традиции, сам русский образ жизни сохраняется бережно. Так, отмечая, что история Израиля творилась прежде всего выходцами из России, А. Левин отмечает, — „Можно без преувеличения сказать, что Израиль — это своего рода филиал России” [Левин, 1991, с. 2]. Русская классическая поэзия, известные современные писатели и поэты переведены на современный иврит. Язык представляет собой часть культуры народа, ее хранилище, в связи с чем, будучи ее своеобразным отражением, может быть использован также и для реконструкции состояния культуры.

Кроме того, усвоение второго языка представляет собой и вхождение в другую, отличную культуру. Известно, что воздействие культуры на язык в наибольшей степени проявляется в национально-культурном своеобразии словаря, в типологических особенностях литературных языков, в своеобразии процесса общения в разных

культурах. Поэтому современный иврит, зафиксированный на данном синхронном срезе (XX в.) отражает состояние культуры носителей языка на данном историческом этапе. Древнееврейский язык связан с культурой (религией) древнего Израиля; идиш и другие еврейские диалектные языки связаны с еврейской культурой последующих периодов, включая современный, а иврит, — с культурой современного Израиля [Матвеев, 1991, с. 219].

Вместе с тем, отмечая очевидное влияние культуры на язык, было бы неверно отрицать и тонкое влияние языка на культуру. Так, уже сам иврит оказывает определенное, внутреннее воздействие на культуру современного Израиля, культуру его носителей, выросших в Израиле. При этом, языковая культура дифференцированно отражает социальную структуру израильского общества, в котором, по данным современных исследователей, в настоящее время используется несколько десятков.

Вместе с тем, определенные консервативные круги объявляют этот язык „всемирным“, „истинным языком евреев“ во всем мире, пытаются распространить иврит далеко за пределами современного Израиля. При этом не принимается во внимание даже тот факт, что языковая ситуация даже в самом Израиле носит очень сложный, „пестрый“ характер. В Израиле, где в настоящее время насчитывается около 4-х миллионов евреев, проживают сабра, ашкенази, сефарды, восточные евреи — выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, а также арабы, армяне, черкесы, весьма незначительное число поляков, венгров, грузин, русских и др. [см., напр., Брук, 1986, с. 325; В. Кабузан „АиФ“, 36 (413), 3-9 сент. 1988; с. 8; Айхенвальд, Корниенко, 1985; Зарубежный Восток, 1986, с. 63-64].

По данным исследований отечественных и зарубежных ученых, население современного государства Израиль говорит в настоящее время на иврите, английском, арабском, русском, других языках „стран прежнего проживания“: французском, немецком, болгарском, венгерском, польском, румынском, бенгали, маратхи и др., а также на идиш, ладино, выполняющих наряду с английским и русским языками функцию языков-посредников [см., напр., Айхенвальд, Корниенко, 1985 и др.].

Учитывая характер формирования современного иврита, весомое число заимствований, в большинстве из которых отсутствуют даже семитские основы, а также сложную языковую ситуацию в современном Израиле, по нашему мнению, следует говорить о формировании и своеобразной, новой культуры, впитывающей в себя элементы разных культур, значительно обогащаясь при этом [Матвеев, 1990, с. 81].

Таким образом, не только идиш, а и современный иврит оказывает определенное глубинное влияние на культуру современного Израиля, духовную культуру его подлинных носителей, использующих

иврит в быту, производственных отношениях, оказывая непосредственное влияние на формирование культуры, отличной от древней культуры, так как взаимодействие культур влечет и диффузию элементов культуры.

С идиш, спаньоли и другими языками еврейская жизнь представляется более колоритной, подлинной и продолжительной, чем без них [см., напр., Fishman, 1985, p. 219]. Исторически сложившееся разнообразие, полифоничность еврейской культуры, важной частью которой является языковая, делает ее более богатой и подлинной.

Несмотря на то, что в современном мире в языках, как и в культурах в целом, наблюдается тенденция к унификации, — этнические особенности, разнообразие культур не отживают: к подлинному единению ведет именно многообразие всечеловеческих ценностей, вера. Церковность, религиозность не влияют сами по себе на жизненное поведение в целом. Иные, значительно более конкретные по своему религиозному содержанию воззрения играли весомую роль, как в период становления рациональной капиталистической организации буржуазно-промышленного общества, так и сегодня, на новом витке развития.

LANGUAGE AND CULTURE: SOME ASPECTS OF THE HISTORICAL AND MODERN CONTACTS OF THE SLAVONIC AND JEWISH LANGUAGES

V. I. Matvejev

Summary

Taking into account the artificial formation of modern Ivrit, great number of borrowings often lacking even semitic roots, as well as complicated and varied ethnolinguistic situation in modern polylinguistic Israel, it's possible to speak about the formation of specifically new culture, accepting the elements of different cultures /Slavonic included/, being greatly enriched in this process.

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд, 1990 — Айхенвальд А. Ю. Современный иврит. М.: Наука, 1990.
Айхенвальд, 1985 — Айхенвальд А.Ю., Корниенко Ю.М. Языковая ситуация в Израиле // Языковая ситуация и языковая политика в странах Востока. М.: Наука, 1985.
Брук, 1986 — Брук С.М. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.
Вебер, 1990 — Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послеслов. Ю.Д. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
Левин, 1991 — Левин А. „В Израиле существует культ России“, АиФ, № 26 (559), июль 1991.
Матвеев, 1991 — Матвеев В.И. О некоторых аспектах влияния славянских языков и культуры на еврейские языки и израильскую культуру // Материалы II

Международного семинара „Славянская культура в современном мире“ / Отв. ред. С.П. Фетсев. Киев, 30.09 – 6.10.1991. С. 217-219.

Матвеев, 1990 – М а т в е е в В.И. Политизация языка иврит // Вопросы социолитинистики – Материалы советских социолитингвистов к XII Всемирному конгрессу социологов (Мадрид, 9-13 июля 1990 г.). М., 1990.

Старкова, 1965 – С т а р к о в а К.Б. О публикации и исследовании памятников сараяско-арабской литературы // Семитские языки. Вып. 2 (ч. 1). М.: Наука, 1965.

Фалькович, 1966 – Ф а л ь к о в и ч Э.М. Еврейский язык (идиш) // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. Т. I, М.: Наука, 1966.

Fahman, 1985 – F i e h m a n J.A. The lively life of a „Dead“ language / or „Everyone knows that Yiddish died long ago“ // Language of Inequality. Berlin etc. Mouton, 1985.

Jakobson, 1953 – J a k o b s o n R. The Yiddish Sound system in Its Slavic Environment, // Yiddische shprakh, 1953, 18.

Khleif, 1979 – K h l e i f B.B. Insiders, Outsiders and Renegades. Towards a classification of ethnolinguistic labels // Language and Ethnic Relations. Pergamon press, Print. in GB., 1979.

Weinreich, 1985 – W e i n r e i c h U. History of the Yiddish language. N.Y., 1985.

Weinreich, 1968 – W e i n r e i c h U. Yiddish and colonial German in Eastern Europe. The different impact of Slavic // American contributions to the fourth international congress of Slavists, Moskow. Sept. 1968.

Weinreich, 1970 – W e i n r e i c h U. Languages in Contact. Findings and Problems. Mouton. The Hague – Paris, 1970.

Weiman, 1950 – W e i m a n R.W. Native and Foreign Elements in a Language // A Study in General Linguistics Applied to Modern Hebrew. Philadelphia, 1950.

Киевский государственный педагогический институт иностранных языков

Октябрь 1991